

Михаил Краснянский

ПОЭЗИЯ НАВСЕГДА

Должен честно (и с удовольствием!) признаться: я вырос на Великой Русской Поэзии и остался с ней в сердце пожизненно! Это началось ещё в моей молодости, в 60-е годы прошлого века, которые были буквально «пропитаны» поэзией. Помню, ко мне в руки попали какие-то листки с едва различимыми строчками (наверное, 10-й экз. под копирку). Фамилия автора была мне незнакома, из нескольких строк предисловия было лишь ясно, что это молодой 20-летний парень, почти мой тогдашний ровесник. Но когда я наконец, чуть ли не в ультрафиолетовых лучах, сумел разобрать блёклые буквы — я был потрясён. Это были какие-то... наркотические строки! Это было невыразимо прекрасно!

Рождественский романс (отрывок)

Плывёт в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу жёлтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих...

Плывёт во мгле замоскворецкой
пловец в несчастье случайный,
блуждает выговор еврейский
на жёлтой лестнице печальной,
плывёт в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льётся мёд огней вечерних,
и пахнет сладкою халвою,
ночной пирог несёт Сочельник
над головою...

**

Стансы городу Петрограду (отрывок)

Пусть меня отпоёт хор воды и небес; и гранит
пусть обнимет меня, пусть поглотит, мой шаг вспоминая,
пусть меня отпоёт, пусть меня, беглеца, осенит
белой ночью твоя неподвижная слава земная.
Все умолкнет вокруг. Только черный буксир закричит
посредине реки, испуганно борясь с темнотою,
и летящая ночь эту бедную жизнь обручит
с красотою твоей и с посмертной моей правотою.

Теперь имя Иосифа Бродского широко известно, а его посмертная правота очевидна всему читающему миру...

Когда я говорю о любви мужчины и женщины, я всегда говорю, что любят не умом, любят сердцем, поэтому любовь не имеет рационального объяснения. Любовь не анализируют, любовью живут. Точно так же я воспринимаю поэзию: не умом, а сердцем. Я поэзию не анализирую, я в ней живу. Потому что стихи великих поэтов состоят не только из неповторимых слов и строк, ритмов и рифм, но еще и из некоего таинственного ВОЗДУХА ПОЭЗИИ, который у них, у великих, обязательно имеется МЕЖДУ СТРОК – и из всего этого возникает магнитное поле такой неистовой силы, что оно неотвратимо затягивает вас. Вот это и есть **великая поэзия!** -

**И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.
И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.**

Это знаменитая «Незнакомка» **А. Блока**. Как рассказать, о чем эти стихи? Чистота чувств и грязь кабака? Любовь и печаль, надежда и тоска? Но еще есть нечто вне текста, вот этот самый «воздух поэзии»... Женщина, которая дышит туманами (заметьте: не туманом, а туманами), женщина, у которой под вуалью не «прекрасное лицо» или, там, «огромные голубые глаза», а «очарованная даль» ... Это написано для сердца читателя, а не для ума! Да и поэту такие строки невозможно сочинить «от ума», чтобы написать такие строки, руку поэта должен направлять Бог!

Вообще, поэзия приходила ко мне неожиданными путями. Мой папа в Донецке (он был архитектором) вместе работал и тесно дружил с коллегой-архитектором Аликом Левитанским. Позже Левитанские переехали в Москву, а я, когда бывал там, всегда останавливался в их квартире на Соколе. Именно там в 1970-м году дядя Алик похвастался мне книжкой стихов «Кинематограф» своего брата Юры, и именно тогда я навсегда влюбился в блистательную поэзию **Ю. Левитанского**:

**Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или Пророку —
каждый выбирает для себя.
Каждый выбирает по себе
слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
каждый выбирает по себе.
Каждый выбирает по себе**

щит и латы, посох и заплаты.
 Меру окончательной расплаты
 каждый выбирает по себе.

(Эти его стихи стали чуть ли не «народными»)! А его строки (больше похожие на клятву!):

Да, дело моё — это слово моё на листе,
 А слово моё — это тело моё на кресте...

— я сделал для себя «правилом правописания». (Нынешним владельцам ведущих телеканалов и газет во многих странах мира неплохо бы повесить эти слова в виде лозунга у себя в кабинетах — может, врать станут меньше?..). Да, можно считать, что Ю. Левитанский продолжил и развил мысли **Б. Пастернака** о призвании художника:

Не спи, не спи, работай,
 Не прерывай труда,
 Не спи, борись с дремотой,
 Как летчик, как звезда.

Не спи, не спи, художник,
 Не предавайся сну.
 Ты вечности заложник
 У времени в плену.

В 60-х годах (это аж прошлый век!) я организовал в Донецке (Украина) самодеятельный **Театр поэзии «Глагол»** (это из пушкинского «Глаголом жги сердца людей»). Хотя театр наш был любительским, но всё равно все наши спектакли принимала

Донецкий
САМОДЕЯТЕЛЬНЫЙ

ТЕАТР

СТУДИЯ

ПОЭЗИИ
„ГЛАГОЛ“

В репертуаре и планах студии
СПЕКТАКЛИ:

"Глаголом жги сердца" /по совет-
ской поэзии/
 "Памятник" /по военной поэзии/
 Поэзия Революции
 "Спасите наши души" /по В.Высоц-
кому/
 "Для чего?" /по П.Левитанскому/
 "Карнавал" /по детской поэзии/
 "Репетируем "Отелло" /театраль-
ный фарс/
 и другие

Худ. рук. студии М.Краснянский

Буклет нашего Театра поэзии

(на рисунке мы изобразили «сердце, выжженное глаголом»!)

какая-нибудь тупая парткомиссия. Она-то и выяснила очень быстро, что поэзию для инсценировок мы подбирали «неправильную». Например, в спектакле «Глаголом жги» наши актёры кричали в лицо опупевшей комиссии **Пушкинские** строки:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

**

Паситесь, мирные народы,
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы? —
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды —
Ярмо с гремящими да бич!

Или ещё «крамольнее» (это уже **Лермонтов**):

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

**

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждёт;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперёд.

А на ИХ (т. е. этих самых «наперстников разврата»!) хоровой возмущенный вопль «Не пущать!» — мы невинно возражали: «Как же-с-с не пущать-то, это ведь Пушкин-с, это ведь Лермонтов-с!» — и ОНИ на короткое время отвязывались.

У меня есть одно яркое воспоминание, связанное с **Пушкиным** и его «Евгением Онегиным» (а также с выдающимся советским литературоведом Ю. Лотманом). Листая впервые томик работ Лотмана, я неожиданно наткнулся на анализ «школьного» четверостишия Пушкина из «Евгения Онегина»:

**Зима! Крестьянин торжествуя,
На дровнях обновляет путь.
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь.**

Хорошо знакомые с детства строки Пушкина никогда не вызывали у меня никаких вопросов. У Лотмана вызвали. Почему крестьянин «торжествует», а не просто, например, радуется? Почему он «обновляет путь», куда этот путь делся? Почему его лошадь снег «чуёт», а не видит? Почему она не может нормально идти, почему «плетётся... как-нибудь»? Лотман разъясняет: а) крестьянин торжествует потому, что выпавший снег «утеплил» поля, и озимые посевы не вымерзнут; б) обновляет он путь потому, что глубокий снег полностью занёс просёлочные дороги (это вам не современный город); в) лошадка снег только чуёт и бежит как попало потому, что от первого белейшего деревенского снега она временно слепнет, и ей на глаза надевают кожаные шоры. И всё это означает, что Пушкин — не только великий мастер языка, рифмы, образа и т. Д., но что в его поэзии нет ни одного СЛУЧАЙНОГО слова. Вот что такое, братцы, настоящий гений!

Кстати, «тогдашний» император Николай Первый явно благоволил к Пушкину, прощал ему оскорбительные эпиграммы, простил периодические контакты с декабристами, грубо выдворил из России не только Жоржа Дантеса — убийцу Пушкина, но и его «условного папу» — посла Геккерна, рискуя испортить отношения с Голландией, лично посетил (!) Наталью Николаевну, оставшуюся вдовой с 4-мя детьми и назначил ей достойный пенсион, покрыл из царской казны чудовищные денежные долги поэта (на момент смерти Пушкин был должен порядка 120 тысяч царских рублей, что по сегодняшнему курсу эквивалентно примерно 60 миллионам рос. рублей или одному миллиону долларов!) и даже профинансировал из той же казны первое полное собрание сочинений А.С. Пушкина. А вот Лермонтова царь не любил, в имевшем огромный успех «Герое нашего времени» царь увидел лишь «жалкое дарование» и «извращённый ум» автора, а «На смерть поэта» привели его в крайнее раздражение, и Лермонтов был фактически сослан на Кавказ (как выразился Николай I, чтобы «прочистить себе голову»). И царь не был суров к убийце Лермонтова. Сначала за дуэль Н. Мартынов (который ненавидел Лермонтова и завидовал ему) был приговорен к разжалованию и заключению в крепость, затем сразу же заключение отменили и заменили... церковным наказанием, но уже в 1846 г. (спустя всего 5 лет после дуэли) отменили и его. Вот почему так? — Некоторые «злые пушкиноведческие

языки» транслируют версию, что истинным ухажером Натальи Гончаровой-Пушкиной был вовсе не Дантес (он был лишь «прикрытием»), а сам царь Николай... Ну, не знаю...

И еще немного о Лермонтове. Но не о его общеизвестном скверном характере (он был низкорослым, нескладным и зло-остроумным молодым человеком; отличался большой физической силой - мог согнуть кочергу, и в умении держаться в седле с ним мало кто мог сравниться; на Кавказе командовал особым отрядом разведчиков - «спецназом», по-нынешнему - и отличался бесстрашием), а о том, что Лермонтов был гений. Супергений. И это было очевидно всем его просвещённым современникам (знаменитый литературовед того времени В. Белинский называл его «дьявольским талантом»). Кроме выдающихся достижений в литературе – поэзии, прозе, драматургии (и это всего лишь к 27-ми годам!), он замечательно рисовал – ему предсказывали большое будущее как художнику; он был щедро одарён музыкально – прекрасно играл на скрипке и фортепиано, сочинял музыку на свои стихи, хорошо пел. Кроме того, он свободно читал и говорил на четырех языках, а еще слыл сильным шахматистом. Лев Толстой написал о Лермонтове: *«Если бы этот мальчик остался жить, не нужны были бы ни я, ни Достоевский»*. Так-то...

Вообще, талант поэта — он от Бога и только от Него! (*«Талант словно прыщ на носу — или вскочил, или нет»* — Фаина Раневская). В когда-то очень популярной кинокомедии «Операция “Ы”» знаменитый киноактер Юрий Никулин поёт «блатную» песню «Постой, паровоз, не стучите, колёса». У этой песни, представьте, есть автор — **Николай Ивановский**. После того как в 14 лет Колю эвакуировали из блокадного Ленинграда, он провёл в колонии 11 лет за воровство и неоднократные побеги. Образование у него на тот момент было — 5 (пять!) классов. Но был у него уже тогда несомненный талант поэта. Потому что, кроме дюжины блатных песен (весьма, кстати, популярных среди зэков), у него ещё была тетрадка стихов. И когда она попала в руки издателей — они были поражены. Вот восемь его строчек о блокадном Ленинграде:

**Приуныли голуби,
Голуби блокадные,
Замерзали голуби
И на землю падали.
Почему ж вы, мальчики,
Хлеб им не бросали? —
Потому что мальчики
Умирили сами...**

Попробуйте-ка, господа члены Союза писателей, доктора филологических наук, лауреаты литературных Госпремий, Буковские номинанты – написать несколько строчек из простых слов да с простыми рифмами — но таких, чтоб душу выворачивало!..

Или возьмем **Набокова**, но не его всемирно известную скандальную «Лолиту», а его прекрасные стихи, например, вот эти:

**Однажды под вечер мы оба
стояли на старом мосту.
Ты сможешь, спросил я, до гроба
Запомнить вон ласточку ту?
И ты отвечала: ещё бы!
И как мы заплакали оба,
как вспыхнула жизнь на лету!
До завтра, навеки, до гроба,
однажды, на старом мосту...**

Вот о чем это? Какое-то незначительное событие - двое стоят на старом мосту. Ну старый мост, да таких полно, чем этот отличается от сотен других? А вот отличается! Потому что на ЭТОМ мосту однажды стоял великий талант! И далее - никаких описаний, там, природы, важных событий или происшествий, ничего - и вдруг какой-то мощный выброс эмоций, и ты улетаешь на небеса! (Да, это вам не нынешняя «молодежная субкультура»: *«Ты целуй меня везде/Я ведь взрослая уже»* - из песни группы «Руки вверх»).

Однако вернёмся к нашему Театру поэзии. В спектакле «Памятник» (по военной поэзии) вместо лакированной поэзии известных «тыловых» поэтов, у нас звучала поэзия «окопных» поэтов, поэтов, воевавших в окопах и погибавших в окопах, поэтов малоизвестных, но оттого не менее прекрасных — таких, например, как **Павел Шубин**:

**Погоди, дай припомнить... Стой!
Мы кричали “ура”... Потом
я свалился в окоп пустой
с развороченным животом.
Где-то плачущий крик “ура”...
Но сошел и отхлынул бой.
Здравствуй, мать-земля, пора! —
Возвращаюсь к тебе тобой.
Ты кровавого праха горсть
от груди своей не отринь;
не как странник и не как гость
шел я в громе твоих пустынь.
Я хозяином шёл на смерть,
сам приученный убивать, —
чтобы верить, любить и сметь,
чтобы лучшить и открывать...
Над рассветной твоей рекой
встанет завтра цветком огня
мальчик бронзовый — вот такой,
как задумала ты меня.**

И за то, что последним днём
не умели мы дорожить,
воскреси меня завтра в нём —
я его научу, как жить!

Ещё больший стресс ожидал парткомиссию на спектакле по советской поэзии. Под яростную пантомиму мы нараспев декламировали уже знаменитого тогда молодого **Вознесенского**:

Вам, Микеланджело,
Барма, Дант!
Вас молниёю заживо
испепелял талант.
Ваш молот не колонны
и статуи тесал —
сбивал со лбов короны,
и троны сотрясал.
Художник первородный —
всегда трибун.
В нём дух переворота
и вечно — бунт!

В конце концов терпение У НИХ лопнуло — и наш «Глагол» закрыли...

Но нам, с нашим неприятием «руководящей роли КПСС», было с кого брать пример! Разве не символично, что на прямой вызов Иосифу Сталину, этому кровавому тирану и серийному убийце, — решился не какой-нибудь тогдашний топ-политик или бравый генерал, а «интеллигентик» (и гений поэзии!) **Осип Мандельштам**. Быть пассивной жертвой колеса истории Мандельштам не захотел, и его великая поэзия стала поэзией вызова:

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.
Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...
Чтоб не видеть ни трусов, ни подлой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.
Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достаёт,

**Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьёт.**

Этот вызов власти позже подхватил **Александр Галич**, чудесный поэт и бард; он оставил нам очень важный завет – завет НЕМОЛЧАНИЯ, который я просто обязан упомянуть здесь (*«Старательский вальсок», отрывок*):

**Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и сгнули смолоду...**

**А молчальники вышли в начальники,
Потому что молчание – золото.
Пусть другие кричат от отчаянья,
От обиды, от боли, от голода...
Мы-то знаем – доходней молчание,
Потому что молчание – золото!
Вот как просто попасть в богачи,
Вот как просто попасть в первачи,
Вот как просто попасть в палачи –
Промолчи, промолчи, промолчи!**

У **Карла Юнга** есть фраза: *«У настоящих художников происходит прорыв из бессознательного творческого импульса помимо их воли. Этот ещё не родившийся акт творчества прокладывает себе путь на бумагу (полотно, нотную тетрадь) как стихийная сила, тайфун, взрыв, не заботясь о здоровье или личном благе автора»*. И ещё о том же: молодая журналистка, выпросившая интервью у тогда уже знаменитого Пикассо, напыщенно спросила его: *«О чём вы думаете, когда пишете свои великие картины?»* — *«Мадам, когда я рисую — я не думаю, я волнуюсь»*, — ответил прославленный художник.

И на фоне этих великих и бесстрашных талантов, бывает очень горько видеть, как весьма известные нынешние писатели, журналисты, режиссёры, актёры проходят постыдный путь от «невольника чести» (по М. Лермонтову) до наёмника черни... (*«Такова цена, которую Бог берёт за песню — ты становишься тем, о чём поёшь»* – Гёте).